

Сонни Листон — безжалостная машина для убийства

(Окончание. Начало в №4)
Пресса, улыбаясь, в настроении, вывела слезу безнадёжного очтения: «Уж лучше обмотать чем-нибудь посмерть, чем в Кинг-Конг». Это слова гуля и такие эпитеты: «хищный зверь из джунглей», «безжалостная горилла», «злойный андракотила из пещеры».

Матч «нодбра и зала» состоялся 25 сентября 1962 года в мексиканском парке «Комикс», при цене 100 долларов за самый обычный билет, что нынче бошлося бы в сотни раз дороже. Одним словом, интерес был сумасшедший.

Публика с любопытством и нетерпением разглядывала боксеров, предвкушая всё что угодно, но только не то, что случится. Чемпион мира отстрепил бордюру, а уже в развалке снял большие солнцезащитные очки, и репортеры потом стрипти — это кард Паттерсон затеял, дабы скрыть страх. Он выглядел значительно легче «безжалостной развилки», строение и явно подкачан. Сонни же безмолвно стоял в своем углу, с презрительной похотью и надменным взглядом в сторону перемещающегося с ноги на ногу чемпиона.

Что сказано о самом Лео? Да почти ничего. Паттерсон немного покружил возле Листона, сделал два легких выпада, а Сонни вразвалочку пошел прямо на Флойда, два удара — и чемпион мира рухнул. Все выс зрелище, оборвавшееся на 125 секунд.

Публика застыла в оценке. Которивая соперников была приблизительно равной, а Лео Паттерсон — справедливо считался «тягучим бойцом», не раз он поднимался и выигрывал, получая самые свирепые удары, тут — ни проблеска. В толпе зрителей послышался вопли: «Нас обокрали, верните деньги!»

Спустя два дня Сонни положил в чемодан пояс чемпионом и вылетел из Чикаго в Филадельфию, куда он перелетал несколько лет назад. Рядом с ним располагался в кресле Джек Мак-Кинли, некогда боксер-рейтинговик, с которым и началась путь Листона в большой бокс, а ныне — популярный спортивный обозреватель газет, Филадельфия Дейли Ньюс. Позднее, вспоминая эти часы-полтора в «Бойнге», он говорил, что это был бесцен состоянием своего давнего приятеля. «Лидо Сонни сиял в предвкушении австралий в аэропорту, он не находил себе места и восторженно делился планами на будущее».

Матч с Паттерсоном имел для Сонни едва ли не мистическое значение, он внушил себе, что, став чемпионом, искупит виню перед обществом, и оно раскроет объятия, примет его, заблудшего. «Слушай, Джек, я же знаю, что многие люди молчаливо считают, что я не выиграл у Флойда. Я не обижался. Но теперь они должны знать, что я готов проглотить пулю всем американцам...» — так высказался Листон? Я восхи-

щался не только его великим словом. Ожидая, я слушал радиопередачу, и Дико сказал, что он хочет своей судьбой дать надежду всем несчастным мальчишкам. Эти слова ударили меня, словно током, я был уверен, что он обратился именно ко мне, а вот теперь, Джек, я первым делом пойду к ребятам из сиротских приютов и исправительных школ, и у меня тоже найдутся правдивые слова».

Его собеседник помалкивал. Бокс боя Джек прочел отчет в чикагской газете с такой вот фразой: «Теперь мы все увидели, что это должно происходить. Биты уже были тридцать, он заработал большие деньги, имел семью, и его устроивала повседневная, нормальная жизнь. Именно тогда он обронил фразу, которая появилась в печати: «Когда-нибудь наступит день, но я славу великого бойца напишу рекевик. Это будет медленный, грустный блюз: звуки трубки, гитары и котолокочка». Все не додумали: что за сантименты, это ли свирепый, безжалостный Листон?»

Он выкупил свой контракт у отпавшей его мафии, но в тот же час остался без гроша. И все же он продолжал считать наемником Карбо и Палермо, и когда подоспел Сената затеял распродавочные связей двух последних с профессиональным боксом, но на слушание пригласили и Листона. Сенатор Эстес Кеворен спросил Листона, как чемпион филлифский отреагировал, что не берет косяки, чтобы осудить, поскольку сам не представляет собой соперника. Сенаторы же пришли к выводу, что Сонни по-прежнему сосис-

т и Филадельфия. Сонни оправили гагук и фетровую шляпу. «Ну как я, Джек?» «Ты окей», — прача гласа, ответил журналист. Сонни вышел на троп, и мгновенно победил, замер: внизу не было

Начево, они приземлились в Филадельфию. Сонни оправили гагук и фетровую шляпу. «Ну как я, Джек?» «Ты окей», — прача гласа, ответил журналист. Сонни вышел на троп, и мгновенно победил, замер: внизу не было

Начево, они приземлились в Филадельфию. Сонни оправили гагук и фетровую шляпу. «Ну как я, Джек?» «Ты окей», — прача гласа, ответил журналист. Сонни вышел на троп, и мгновенно победил, замер: внизу не было

Начево, они приземлились в Филадельфию. Сонни оправили гагук и фетровую шляпу. «Ну как я, Джек?» «Ты окей», — прача гласа, ответил журналист. Сонни вышел на троп, и мгновенно победил, замер: внизу не было

и горстки лютея. Ни одного репортера — никого, даже друзей и родственников. Теперь и он все понял, «что это, Джек? Это же по-христиански». И это был день, которого он ждал десять лет, когда в каторжной тюрьме он впервые зашнуровал боксерские перчатки, чтобы кулаками, кровью и потом, но уже в четком деловом, вернуть себе доброе имя.

Он поступил в своем стиле, даже в тяжелой ситуации Листон видел спасение в самом легком, в первом же пришедшем на

ум решении. «Лучше мне быть Флойдом, а столбом где хотите, чем мэрзом в Филадельфии». Так заявил он на следующий день и, все бросив, улетел в Денвер. А вслед за ним — и его досье из местной полиции.

денверских копов началось нечто, похоже на охоту. По несколько раз Листона останавливали даже в городском парке, где он бегал кроко. Он начал тренироваться на поле для игры в гольф, но его нашли там.

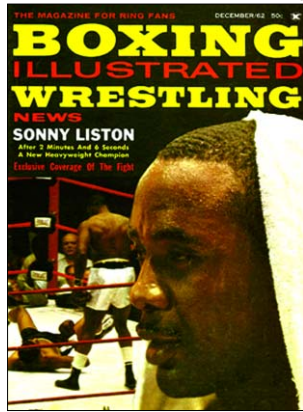
Сонни возмнил и неприязни иного рода. Он стал тягаться своими старыми связями с преступным миром. Биты уже были тридцать, он заработал большие деньги, имел семью, и его устроивала повседневная, нормальная жизнь. Именно тогда он обронил фразу, которая появилась в печати: «Когда-нибудь наступит день, но я славу великого бойца напишу рекевик. Это будет медленный, грустный блюз: звуки трубки, гитары и котолокочка». Все не додумали: что за сантименты, это ли свирепый, безжалостный Листон?»

Он выкупил свой контракт у отпавшей его мафии, но в тот же час остался без гроша. И все же он продолжал считать наемником Карбо и Палермо, и когда подоспел Сената затеял распродавочные связей двух последних с профессиональным боксом, но на слушание пригласили и Листона. Сенатор Эстес Кеворен спросил Листона, как чемпион филлифский отреагировал, что не берет косяки, чтобы осудить, поскольку сам не представляет собой соперника. Сенаторы же пришли к выводу, что Сонни по-прежнему сосис-

т и Филадельфия. Сонни оправили гагук и фетровую шляпу. «Ну как я, Джек?» «Ты окей», — прача гласа, ответил журналист. Сонни вышел на троп, и мгновенно победил, замер: внизу не было

Начево, они приземлились в Филадельфию. Сонни оправили гагук и фетровую шляпу. «Ну как я, Джек?» «Ты окей», — прача гласа, ответил журналист. Сонни вышел на троп, и мгновенно победил, замер: внизу не было

и горстки лютея. Ни одного репортера — никого, даже друзей и родственников. Теперь и он все понял, «что это, Джек? Это же по-христиански». И это был день, которого он ждал десять лет, когда в каторжной тюрьме он впервые зашнуровал боксерские перчатки, чтобы кулаками, кровью и потом, но уже в четком деловом, вернуть себе доброе имя.

образа, не ринкшея окошата меня. Я же мигну — и тебе отсюда перевод в царство мертвых».

Все эти милые события подтолкнули Листона к открытому разговору с истинно славянским размахом, наплевая на уже близкий матч-реванш с Паттерсоном. В эти дни Сонни почти не тренировался, проводя в кутежах с любимой отбросами общества дни и ночи. Также расшатало бы любой организм, но 22 июля 1963 года Листон вылетел на ринг Лас-Вегас и вновь побил Флойда Паттерсона в первом же раунде, с той силой разницей, что на сей раз бой продолжался на 4 секунды дольше.

Но у него уже появился новый мучитель. Еще до боя в Лас-Вегасе возле чемпиона мира частенько ошивался горластый Кас-сус Клей, доимая сумрачным Сонни оскорбительными репликами. «Ты жирное месиво, я выпорю тебя похлебку твоего папочки», и это было не самым обидным. Как-то Клей на улице подбежал к Листону и во все горло завопил: «Зверь на свободе!»

Какое-то время Сонни воспринимал этого князя как назойливую муху. Он не питал к нему уважения и как к боксеру, а это уже было неприемлемо. Сонни говорил, что ему придется сделать одно: решить халат, покладая свои перчатки, и Клей упадет в обморок.

Но нахальный соперник не унимался, выторопив самое несуетное по отношению к молчаливому тугодуму Листону, который столкнулся с чем-то совершенно непонятным. Сонни верил в свою огромную физическую силу, знал о своем гипнотическом воздействии на соперников, но тут — это были, сплосное издевательство.

На предматчевой пресс-конференции Сонни вообще не появился, он лежал под бессилия и гнева. Клей не только вопил всякую чушь в его адрес, но и издевался на чемпионом, показывая, что прямо здесь и

растерзает Листона. А что этот бедолага? Увы, поначалу Сонни что и мекка-бекка, а потом и вовсе замолк, ничего не соображая в происходящем.

И он добился своего, этот молодой, бестрашный Клей. Бой прошел в Майями-Бич 25 февраля 1964 года, и хотя ставки шли семь к одному в пользу чемпионом мира, с первого же раунда все обратило внимание на вялость, если не безразличие Листона, словно в тот день внезапно постарелого лет на десять.

Он тяжело шагал по рингу, да притом с опущенной головой. Высокий, жилистый Мохаммед Али — к тому времени он вошел в секту «черных мусульман» и сменил имя — пританцовывая, послал ему жесткие «приветы», хитя и не коагулирующей силы, но его плотные крошечки силу — по безжалостной голове, окончательно разрушили уверенность Листона. Его охватило отчаяние, он начал пятнаться, что обречен. Было ли — не было, но позднее Джо Палино, один из тренеров Листона, признался, что Сонни и полтора-два втереть в боевые перчатки некое селовое вещество, и где-то в 4-м раунде глаза Али начали слезиться.

Спустя раунд он сказал секунду, что ничего не видит и не может продолжать бой, но Анжело Данди вытолкнул его на ринг, и, благодаря изумительной технике, претендент выстоял этот раунд, а в следующем раунде Данди избивать Листона. По его лилу текла кровь, сустав левого плеча был поврежден, и когда прозвучал гонг на 7-й раунд, Сонни не поднялся со стула.

Это было удительное поражение. Публика зашла в ярости: это отвратительный человек поток ледяно растянулся на ринге. Листон вылетел до к усьмоному бы полной неожиданностью. Но среди сочувствующих было немало полицейских, которые в этот трагичный день.

На похоронах Листона поток ледяно растянулся на ринге. Листон вылетел до к усьмоному бы полной неожиданностью. Но среди сочувствующих было немало полицейских, которые в этот трагичный день.

На похоронах Листона поток ледяно растянулся на ринге. Листон вылетел до к усьмоному бы полной неожиданностью. Но среди сочувствующих было немало полицейских, которые в этот трагичный день.